

ОЖИДАНИЕ

Главная собачья работа – ждать. А высшее счастье – встреча с хозяином. Говорят, что собаки не имеют чувства времени. Возможно. Не важно, насколько ты уходил: на минуту, на час или возвратился вечером с работы, собака встречает одинаково радостно. Виляет хвостом, лает, подпрыгивает, облизывает. Это счастливый момент для собаки – хозяин вернулся. И счастливый момент для тебя – собака искренне рада твоему возвращению.

Собака любит не за большую зарплату, дорогую машину и модный костюм, а просто за то, что ты есть. Но с возрастом собаки тоже становятся умнее. Если я уходил на полчаса в магазин, ты встречал меня гораздо спокойнее, чем вечером после работы.

А уж как ты радовался, когда мы приезжали из отпуска после десятидневного отсутствия! У тебя так захватывало дух, что ты не мог лаять, а только таял от счастья.

Ты отлично чувствовал, когда у меня хорошее настроение и можно принести игрушку и покидать апорты, а когда плохое и лучше не подходить. Но здесь ты ошибался. Если я что-то делал, у меня не получалось и я ругался, ты осторожно выглядывал из коридора: не Шоника ли папа ругает. И вид у тебя был при этом такой испуганный. А я как-то сразу успокаивался, звал тебя, брал на руки и говорил: «Шоник, не волнуйся. Папа тебя не ругает. Шоник молодец». Ты успокаивался, и я успокаивался. Нам было хорошо. Такая вот терапия.

Тебе было уже полтора года, но иногда ты ещё писал на кухне, не дождавшись, когда кто-нибудь придёт с работы. Ты знал, что в комнате на ковёр писать нельзя. За это может влететь, а за лужу на кухне только отругают. Но лужа может произойти и вследствие естественных причин: при мытье посуды или от протечки крана.

Следствие проводится просто: «Шон, это ты сделал?». Если Шон непонимающе смотрит широко открытыми глазами, значит он ни при чём. А если голова опущена, и ушки прячутся в шерсти, значит - виноват, и Шон прослушивает лекцию о недостойном поведении о нарушении правил проживания в коллективе, о лишней работе по уборке.

В качестве наказания Шон изгоняется из коллектива в комнату на своё место. Ты, конечно, огорчён, но через несколько минут прибегаешь, как ни в чём не бывало. Наказание получено, всё уже забыто. Можно поиграть, поносить игрушки, выпросить вкусняшку. Всё хорошо. А на следующий день опять ожидание.

У нас с тобой была такая игра: я давал тебе команду: «Шон, сидеть, место!», а сам уходил в другую комнату и выжидал. В теории ты должен был ждать, когда я крикну: «Шон, ко мне!». Иногда тебе хватало терпенья секунд на десять.

Но чаще ты почти сразу прокрадывался по коридору и выглядывал из-за угла: «Меня ещё не зовут?». Я, конечно, зову, а ты подбегаешь и, что мне нравилось, садишься: Я здесь! И получаешь кусочек сырику. А как же – заслужил.

Ты любил носить разные вещи: игрушки и мячики, когда мы кидали апорты, тапки, когда папа приходил с работы, миску, когда рассчитывал получить чего-нибудь вкусное. У тебя были миски для десерта, куда клали творожок, кусочки сыра и прочие лакомства. Это были квадратные пластмассовые мисочки с невысокими бортами синие снаружи и белые внутри. В таких в самолётах в обед подают салатик, ломтики колбасы или сыра. Когда мы обедали, ты свою порцию моментально съедал и просил добавки.

Лаять было запрещено и ты, что бы привлечь внимание стал приносить свою десертную миску. Брал её за ближний борт и нёс в вертикальном положении. При этом она совершенно закрывала тебе обзор. Помучившись пару дней, ты сам придумал, как усовершенствовать этот процесс: за ближний край подтягивал миску к себе поближе и брал за дальний край, так, что миска свисала вниз и не мешала. Молодец! Ты подносил миску ко мне и с грохотом ставил на пол, чтоб я уж точно услышал. Что делать? Клал тебе что-нибудь вкусненькое.

Ещё о твоей сообразительности, обучаемости и самообучаемости. Кидали мы как-то на кухне мячик, и после очередного броска он попал в корзинку. Тебе никак было его не достать ввиду нехватки роста. Я наклонил корзину, и ты легко достал мяч. Я решил усложнить упражнение. Поставил пластмассовое ведёрко и кинул в него мячик. «Шон, апорт!»

Ты в изумлении. Я нажимаю на край ведра, и оно падает на бок – ты берёшь мячик. Так два раза. Опять кидаю. Тыходишь к ведру и толкаешь ведро на себя не за край (он для тебя высоко), а за свисающую ниже ручку. Эффект тот же – мячик можно достать. Но при падении ведро бьёт тебя по носу. Кидаем ещё раз. Ты дёргаешь ведро за ручку и отскакиваешь на шаг назад. Нос цел, мячик твой, несём папе, получаем сырик. Как я был рад и восхищен тем, что ты сам догадался, как сделать этот трюк.

Ты чудо - Шоник.

Я люблю тебя.

Я горжусь тобой.

Где ты, мальчик мой дорогой?
Где горюет твоя душа?
Я смирился с твоей судьбой
И живу теперь не спеша.

Я домой не несусь бегом,
Где встречал твой весёлый лай.
Как махал ты рыжим хвостом!
И игрушку нёс: “Поиграй!

Я скучал по тебе, поверь.
Мы не виделись сотню лет
С той поры как хлопнула дверь
И погас в коридоре свет.”

Наигравшись вдоволь с мячом,
На руках моих замирал
И, уткнувшись носом в плечо,
Мне счастливый лицо лизал.

